

Семья Бай, видя, что Бай Цианя в клане Гу окружили заботой, а его отношения с Гу Яньли становятся всё теплее, не могла не испытывать облегчения. Они даже стыдились того, что прежде подозревали Гу Яньли в желании известить Бай Цианя, и потому часто просили Бай Лана передавать им гостинцы, чтобы хоть как-то выразить свою признательность.

Гу Яньли же ничего такого не чувствовал. Для него Бай Циань был маленьким божеством, милым и приятным, да и семья его относилась к ним превосходно, отчего связи между двумя домами стали только крепче.

Гу Циншань в глубине души тоже чувствовал огромное облегчение. Гу Яньли был его единственным сыном. С тех пор как появился Бай Циань, юноша, хоть и оставался озорником, стал проявлять осторожность из-за слабого здоровья гостя. Он уже много дней не выбирался на прогулки или скачки, а со своими дружками-бездельниками и вовсе перестал видаться.

Что касается учебы, то насильно мил не будешь. Подрастет — можно будет взять его при себе и обучать делам. Не говоря уже о том, что огромный семейный бизнес когда-то придется передать ему, ведь если Гу Яньли не оправдает надежд и пустит по ветру состояние предков, как потом смотреть им в глаза? Сейчас, глядя на него, Гу Циншань понимал: пусть больших успехов в науках еще не видно, но раз сын перестал якшаться с повесами и даже собрался идти в храм возжигать благовония, это уже благо.

Если кто в доме Гу и беспокоился о Гу Яньли больше всех, так это госпожа Шэнь. Никто не посмел бы оспорить её первенство. Раньше она изводила себя тревогой из-за того, что сын не желал учиться, а лишь пропадал на улице, гоняя собак и кур. Она не знала, сколько благовоний сожгла в храмах и сколько денег пожертвовала, но нрав Гу Яньли был непоколебим. От отчаяния она часто плакала по ночам, и поделиться горем было не с кем.

Муж, видя, что сын не оправдывает ожиданий, избивал его до полусмерти, а свекровь, потерявшая двух внуков, оберегала Гу Яньли, словно драгоценность, и устраивала мужу скандалы. Зажатая между ними, видя, как ведет себя сын, госпожа Шэнь в прошлом году не раз хворала, а врачи лишь советовали ей не принимать всё близко к сердцу — мол, успокоится душа, и болезнь отступит.

Нынче же так и вышло. Появление Ань-эра стало словно живительным дождем: мальчик вырос статным и ласковым. Она лучше всех знала характер сына — деспотичный, высокомерный, никого не слушающий, а вот поди ж ты, прислушивается только к словам Бай Цианя.

В последнее время она замечала, что почерк Гу Яньли становится все лучше, да и в речи исчезла прежняя грубость. От радости она поспешила в храмы и даосские обители пожертвовать деньги и зерно в знак благодарности. К Бай Цианю он относился как к родному, а еще часто приглашал жен из семьи Бай заглянуть к ним, чтобы побеседовать, и на душе у госпожи Шэнь стало гораздо легче.

В поместье Гу было много челяди, в том числе и тех, чьи семьи служили здесь из поколения в поколение. Среди них началось оживление: раз семья Бай сейчас на таком хорошем счету, не

потому ли, что у них есть сын, который хоть немного умеет читать и приглянулся третьему господину? У них самих, конечно, нет таких утонченных детей, как Бай Цян, но смышленные сыновья и племянники с приятной наружностью — найдутся. Как же упустить такую выгоду в пользу семьи Бай?

Несколько самых пронырливых управляющих сговорились и отправили своих жен нашептывать что-то госпоже Шэнь, а сами пошли к Гу Циншаню выведать, нельзя ли приставить к господину хотя бы пару человек — пусть не для учебы, так хоть для забавы.

Гу Циншань, видя, как эти управляющие то и дело приходят, нахваливая Гу Яньли за рассудительность, а потом подсовывая своих смышленных племянников, быстро понял их намерения. Изначально он не хотел обращать на них внимания, но потом подумал: Гу Яньли разогнал многих слуг, да и тех, что сопровождают его на улице, не хватает по штату. Нужно действительно набрать людей, но сначала стоит спросить мнения самого Гу Яньли, иначе его упрямый нрав может всё испортить. Он велел управляющим составить список подходящих детей и отдать на выбор сыну.

Когда управляющий принес список в кабинет, Гу Яньли, полулежа за столом, наблюдал, как Бай Цян рисует. Смеясь, он дразнил его:

— Ты что рисуешь? Это же не уточки-мандаринки, а самые настоящие дикие утки!

Бай Цян хмыкнул и ловко мазнул кисточкой с краской прямо по носу Гу Яньли. Тот уже собрался вскочить, чтобы пощекотать его, как вдруг слуга прервал их:

— Третий господин, это список, который передал глава дома. Выбирайте, кого из мальчишек взять в услужение.

Гу Яньли был недоволен, что его прервали, но, раз список от отца, пришлось подавить гнев. Он взял бумагу, пробежал глазами несколько строк и вдруг с улыбкой обернулся к Бай Цианю:

— Надо же, бывают же имена А-Сань и А-Сы. Смотри, забавные какие.

Бай Цян вздрогнул, и сердце его ушло в пятки. Это же те самые двое, что в оригинальном романе стали прислужниками Гу Яньли! Они во всем угождали ему, не гнушаясь ничем, а сами тем временем насильно похищали девушек из честных семей, прикрываясь именем Гу Яньли, якобы подбирая ему наложниц, а на деле — жестоко издеваясь над ними.

В книге говорилось, что у одного из арендаторов поместья Гу была дочь по имени Сян'эр. Она работала в поле вместо больного отца, когда те двое негодяев заприметили её и утащили, заявляя, что раз на неё положил глаз третий господин Гу, то это её великая честь.

Отец Сян'эр, преодолевая болезнь, вместе с сыном отправился к управляющему за помощью, но в ответ услышал лишь насмешки — мол, сами, небось, продали дочь, позарившись на богатство, а третий господин наиграется и вернет её домой! Когда они попытались жаловаться в управу, их избили стражники и выбросили за городские ворота на произвол судьбы.

Отец, и так больной, не выдержал горя и гнева и скончался. Когда Сян'эр выбросили обратно, она увидела лишь тело отца, которое привезли добрые люди из деревни.

Злые языки в деревне судачили, что она сама пыталась пролезть в богатый дом, да не вышло. Жених, который поначалу верил ей и даже пошел против семьи, отказываясь расторгать помолвку, не выдержал насмешек и презрения односельчан. Будущая свекровь прислала сваху за выкупом, и Сян'эр, с каменным лицом вернув всё до последней монеты, разорвала брачный договор на две части.

Она была сильной девушкой и знала, что ни в чем не виновата, но слезы младших сестер по ночам резали её сердце, как нож. Репутация старшей сестры была погублена, как же теперь выйти замуж остальным? Братья хоть и молчали, но целыми днями тяжело вздыхали.

Нашелся даже один подонок, уже до смерти забивший пару жен, который пришел свататься к ней. Когда невестки прогнали его, он орал на всю улицу:

— Подумаешь, не девственница! Кому ты строишь из себя недотрогу? Кто, кроме меня, возьмет такую порченую!

Невестки в ярости плеснули в него помоями и бросились утешать Сян'эр, умоляя не слушать мерзавца. Но после того, как его выгнали, он разнес по всей округе слух, что это Сян'эр сама его соблазнила. Люди знали, что правды в словах негодя быть не может, но сплетни стали отличной темой для разговоров за чашкой чая.

Сян'эр люто ненавидела клан Гу, но что могла поделать простая крестьянка против такой знатной семьи? Вспомнив слова стариков о том, что если утопиться в красном платье, станешь Разгневанным духом, она решила. Думая о том, что братья и невестки не отвернулись от неё, она не хотела приносить им больше бед в доме. Ночью, надев собственноручно вышитое свадебное платье, она подошла к старому дереву, где сельчане часто собирались поболтать, и накинула петлю...

После смерти Сян'эр деревню охватил ужас. Жених, обнимая её бездыханное тело, рыдал, а потом, схватив нож, побежал к дому А-Саня и А-Сы, чтобы добиться справедливости.

Но не успел он и подойти, как среди бела дня его избили те двое, а потом приволокли в управу, где его обвинили в вымогательстве и забили палками до смерти. Через несколько дней он скончался. Когда его избивали, прохожие хотели вмешаться, но их удерживали, шепча, что при могуществе поместья Гу им не сберечь своих жизней, так что приходилось лишь вздыхать и отступать.

А-Сань и А-Сы, слыша это, лишь торжествующе смеялись, пиная поверженного, и скалились на толпу:

— Наш третий господин вчера пил вино с самим градоначальником! Посмотрим, кто посмеет лезть не в свое дело!

Люди в страхе опускали головы, делая вид, что ничего не видят.

Семья Сян'эр, рыдая, решила идти в столицу с челобитной. По пути они встретили главных героев романа. Услышав о таком вопиющем беззаконии, те пришли в ярость. Герой, Ши Ао, принял жалобу и, добравшись до столицы, подал прошение на Гу Яньли и чиновников Цзиньлина. Император, узнав о случившемся, пришел в гнев и отправил инспектора для тщательного расследования.

В первый же день прибытия инспектора в Цзиньлин жалобы от народа чуть не потопили управу. Инспектор немедленно арестовал семью Гу и градоначальника. Расследование показало, что хоть сам Гу Яньли и не совершал этих преступлений, но из-за его халатности в управлении домом слуги творили бесчинства, прикрываясь его именем. Всплыли и другие нераскрытые дела, которые тоже повесили на него. В итоге, учитывая заслуги предков клана Гу, император милостиво заменил казнь на ссылку, и весь двор восхвалял его доброту и мудрость.

При мысли об этом сердце Бай Цианя бешено колотилось, голова кружилась от резкой боли. Одно осознание того, что на руках этих людей кровь невинных девушек, вызывало у него тошноту.

Он боялся, что сюжет неизбежен. Разумеется, он не хотел, чтобы его друг Гу Яньли закончил как в романе. И когда он увидел, что Гу Яньли находит имена этих негодяев забавными, в нем вспыхнула ярость. В порыве гнева он выпалил:

— Что за нелепые имена! Только ты один находишь их интересными!

Гу Яньли опешил, не понимая, почему Бай Циань так разозлился из-за такой мелочи. А тот продолжал:

— Ты целыми днями только и думаешь, как бы развлечься, и пальцем о палец не ударишь! Наверняка ты сам попросил дядю найти их. Раз я тебе больше не нужен, я уйду домой!

Гу Яньли нахмурился, в нем тоже закипало раздражение:

— Да с чего ты взял, что я их просил? Я просто сказал, что имена забавные! Раз уж ты так против, я возьму этих двоих себе, и что ты мне сделаешь?

Бай Циань, видя, что все его старания пошли прахом, в отчаянии ответил:

— Что я могу сделать? Ты здесь хозяин, делай что хочешь! Куда уж мне, безделушке, указывать тебе!

Гу Яньли, вспомнив, как недавно они спорили о том, кто здесь господин, а кто слуга, почувствовал, что его искренность не оценили. Обида превратилась в гнев, и он выпалил первое, что пришло в голову:

— Отец привел тебя сюда лишь для того, чтобы ты развлекал меня! Без тебя здесь полно других, кто будет мне прислуживать!

В порыве чувств он случайно задел горшок с камелией на подоконнике, и тот упал. Гу Яньли замер. Это был цветок, который подарил ему Бай Циань. Они каждый день вместе поливали его, и вот-вот должны были появиться бутоны... Он хотел было наклониться, чтобы поднять горшок, вдруг цветок еще можно спасти, но гордость не позволила ему сделать это на глазах у Бай Цианя.

Бай Циань, увидев, что подаренный им цветок разбит, словно увидел перед собой того самого жестокого и взбалмошного третьего господина из книги. Он расширил глаза от гнева, губы его дрожали, а слезы застилали глаза. Не глядя на Гу Яньли, он велел Чжулин немедленно собираться домой. Тяньмо хотел было остановить Чжулин, но Гу Яньли, с посиневшим лицом и сжатыми кулаками, жестом запретил ему двигаться.

Глядя на удаляющуюся спину Бай Цианя, которого уносила Чжулин, Гу Яньли чувствовал, как гудит голова. Он отдал ему всю свою душу, но не смог согреть даже капли. Он сделал два шага к порогу и крикнул вслед:

— Уходи! И не смей возвращаться! И чтобы духу твоего здесь не было!

Бай Циань ронял слезы, плотно сжав губы и отвернувшись, чтобы никто не видел его лица. Чжулин лишь думала, что это обычная детская перепалка, и, боясь, как бы маленький хозяин не заболел от слез, поторопилась домой, чтобы его успокоили.

Гу Яньли стоял на месте, глядя, как они удаляются всё дальше, и от злости его чуть не стошнило. Он с силой ударил кулаком по колонне.

Управляющий Чжу Гуй, стоявший поодаль, хитро прищурился. А-Сань и А-Сы, конечно же, были его сыновьями, иначе как бы они оказались в самом верху списка? Он подошел к разгневанному Гу Яньли, согнулся в поклоне и с елеинной улыбкой проговорил:

— Тот мальчишка совсем не знает своего места. Другие были бы счастливы вашей милости, а он, пользуясь тем, что он племянник управляющего Бая, совсем зазнался. Третий господин, не гневайтесь, уйдет один — придут другие, куда лучше этого!

Не успел он договорить, как получил удар ногой в грудь и отлетел к колонне. В глазах потемнело, а в ушах зазвенел яростный голос Гу Яньли:

— Он не знает места? А ты, грязная собака, что несешь? Кто тебе позволил молоть языком в моем присутствии? Я слишком распустил вас, раз вы решили, что можете лезть в мои дела! А ну, вышвырните его отсюда, чтобы я его больше не видел!

Тяньмо и остальные поспешили уволочь Чжу Гуя и наказали привратникам больше не пускать его к третьему господину, чтобы тот снова не попался под горячую руку.

<http://bllate.org/book/20696/2067696>